

Враг слишком сильно полагался на свои возможности по нанесению ударов с воздуха, и когда непрерывные воздушные налеты не смогли снизить интенсивность противовоздушной обороны наших войск, был вынужден перейти к совмещенной воздушно-наземной зачистке.

Сейчас силы противника, задействованные на передовой, явно страдали от нехватки боевого опыта. Вероятно, это объяснялось тем, что в недавних тяжелых боях за укрепления против наших защитников большое количество опытных офицеров и солдат врага погибло или было ранено, и их еще не успели вовремя заменить и пополнить. В противном случае, если бы нам пришлось обороняться силами временных подразделений, состоящих из одних лишь резервистов и гражданских, враг продолжал бы давить нас, как месяц с лишним назад, не говоря уже о том, чтобы удерживать позиции до сих пор.

Японцы пытались прорваться с фланга, чтобы отрезать нас от остальных позиций, но мы неизменно пресекали их маневры, ведя огонь с возвышенности сверху вниз из противотанковых ракетных комплексов, гранатометов и другого оружия по наступающим порядкам врага. К тому же стоило подбить хотя бы один-два танка или боевые машины пехоты, как в рядах противника начиналась паника, и каждая их грандиозная атака неизменно захлебывалась.

Мне тоже довелось несколько раз разделить радость от подобных побед над врагом, от таких зрелищ кровь закипала в жилах.

Японцы люто ненавидели этот наш рубеж, поэтому в последние дни уделяли ему особое внимание, обрушивая на него всю имеющуюся в их распоряжении огневую мощь и изо всех сил пытаясь превратить это место в мертвую зону.

Они уже прорвались к окраинам города, и стоило им взять нашу позицию, как город распахнул бы перед ними свои ворота. Это искушение заставляло врага в последние два дня нападать на нас с яростью день и ночь, даже вопреки здравому смыслу пренебрегая тяжелыми потерями личного состава и полным хаосом в наземной координации.

Не успели мы перевести дух, как началась новая волна вражеской атаки.

Старый трюк: сначала бомбежка, потом штурм.

В последние дни враг обычно использовал по три танка, выстраивая их клином для прорыва в авангарде, а позади них наступали боевые машины пехоты и самоходная артиллерия, подгоняя пехоту. Парни из Соединенных Штатов презирали уличные бои, так что эта грязная работа доставалась наемникам из стран-союзников.

У нас тут наемники исполняли ритуальные танцы с бубном, а американские вояки брали на себя роль тех, кто бьет в гонги и барабаны.

Я осторожно протиснулся в укрытие, расположенное ближе всего к вражеским танкам. Припав

грудью к брустверу, я уже отчетливо слышал в ушах скрип гусениц японских танков, перемалывавших металлический мусор на земле.

В небе смутно доносился рев реактивных двигателей и вращения лопастей вертолетов — начиналась очередная воздушно-наземная атака.

Расстояние где-то метров четыреста-пятьсот, — тупо пронеслось у меня в голове.

В последние дни японцы пали духом от постоянных неудач. Сначала их бронетехника еще отважно врывается на наши позиции, но из-за отсутствия опыта взаимодействия пехоты с танками машины захватчиков часто оставались в одиночестве, брошенные собственной пехотой, после чего наши гранатометчики спокойно их уничтожали. Однако наибольшую опасность для нас представляли вовсе не эти ползающие по земле стальные чудища, а те то и дело кружившие на бреющем полете боевые вертолеты армии США.

Мелкокалиберные гранаты рвались на наших позициях одна за другой. Теперь японцы действовали осмотрительно, продвигаясь шаг за шагом: стоило им заподозрить хоть малейшее движение, как они открывали шквальный огонь и устраивали артиллерийский налет, а танки и бронемашины старались не отрываться от пехотного прикрытия.

Три головных танка, шедшие на расстоянии трехсот-четырехстами метрах друг от друга, неизменно держались к нам лбом, медленно кружа на месте и не спеша рваться на наши позиции.

Лобовая броня вражеских танков была наглухо обвешана динамической защитой. Пробить ее в лоб из гранатомета было невозможно; шанс уничтожить машину появлялся только тогда, когда враг подставлял нам свои уязвимые борта и корму. Если и это не помогало, оставалось уповать лишь на противотанковые мины как на последнее средство сопротивления.

Уничтожение вражеского танка или боевого вертолета давало право на получение звания героя битвы, а подбитая вражеская боевая машина пехоты приравнивалась к ордену боевого Красного Знамени первой степени. При этом бойцы, заслужившие награды выше первой степени, получали приоритет при эвакуации в тыл после ранения. Поэтому солдаты на оборонительных рубежах больше всего жаждали уничтожить вражеские тяжелые бронированные цели и вертолеты, пока сами не получили ранение. Обычные бойцы не умели обращаться с противотанковыми и зенитными ракетами, а из гранатометов танки врага поражались с трудом, так что противотанковые мины с датчиками цели стали самым ценным оружием на поле боя. Раньше мне не выпадало шанса заполучить хотя бы одну такую мину, и я мог лишь с завистью смотреть, как с ними возятся ветераны.

Подбитый танк означал, что тебя вовремя вывезут с поля боя после ранения — конечно, если останутся свободные руки для эвакуации.

Черт возьми, что-то не так. Японцы явно ждут подхода пехоты! — пробормотал я про себя.

Вражеская пехота была вооружена большим количеством огнеметов и автоматических гранатометов — в условиях позиционного противостояния эти два вида оружия представляли для нас огромную угрозу. Стоило противнику зацепиться за позиции, а вам — не суметь вовремя подавить их огневые точки, как оставалось лишь прятаться в глубине ходов сообщения или перебираться в другие участки лабиринта.

С тем арсеналом, что был у нас на руках, мы не могли вступать в прямой бой с врагом: это грозило тем, что нас намертво скоют боем. Стоило японской пехоте завязать бой, как следовавшие за ними боевые машины пехоты тут же обрушили бы на нас плотный шквал пулеметного огня. Без маневренного боя вероятность выжить под перекрестным огнем врага была крайне мала, не говоря уже о том, что над нашими головами в любой момент могли открыть огонь вражеские вертолеты.

Я лежал на земле не шевелясь, а глаза тем временем тревожно выискивали вражескую пехоту. Мушка винтовки типа 56 смотрела на то место позади японского танка, где могла появиться пехота.

Внезапно танк противника выпустил снаряд по обломку низкой стены недалеко у меня за спиной.

Изнаненная и скукоженная от боли земля вновь содрогнулась от колоссальной энергии танкового снаряда. Металлические осколки на земле в нескольких метрах передо мной затрепетали от взрывной волны, а в ушах отчаянно зазвенело.

Трус проклятый!

мысленно выругался я.

Перед моими глазами взметнулся язык оранжево-красного пламени.

Это работал вражеский огнемет!

Хитрая вражеская пехота незаметно подобралась совсем близко и внезапно атаковала укрытие по правую от меня сторону.

Нельзя позволить противнику продолжать поливать здесь всё огнем.

Не колеблясь, в тот момент, когда первый же огнемет выдал позицию противника коротким плевком пламени, я вскочил на ноги и дал по нему короткую очередь из трех выстрелов.

Когда в ушах зазвучали предсмертные крики огнеметчика, а остальные японцы с воплями суетливо заерзали в поисках источника огня, я уже дернул чеку дымовой шавы, кубарем скатился в окоп и пополз к следующей снайперской точке.

Пока я отчаянно полз по ходу сообщения, неподалеку от моего прежнего места уже затрещал частый пулеметный огонь, перемежаемый разрывами снарядов из пушки вражеской бронемашины.

Неизвестно, сколько бойцов прошло по этим запутанным ходам сообщения, но сейчас в пустом тоннеле отдавалось эхом лишь мое собственное дыхание. Мне не требовался свет: я и в темноте мог привычно добраться по трехъярусному лабиринту до любой огневой точки.

Враг продолжал поливать огнем то место, откуда я только что стрелял. Улучив момент призрачных вспышек пламени, я на цыпочках втиснулся во второе укрытие и, прищурившись, огляделся через прибор ночного видения.

Бронемашины противника ускоряли ход и прижимались к нашим позициям.

Когда я попытался высунуться чуть сильнее, чтобы высмотреть вражескую пехоту, БМП неприятеля вдруг открыла слепой пушечно-пулеметный огонь по всему нашему участку, и свистящие осколки едва не залетели внутрь укрытия.

Я тут же забился вглубь убежища, чтобы не попасть под осколки вражеских гранат.

Теперь японцы действовали всё умнее. Они знали, что мы ведем маневренный бой, поэтому стоило нам открыть огонь, как они тут же накрывали сплошным обстрелом весь сектор.

В конце концов, боеприпасов у них было вдоволь.

Осколочные гранаты непрерывно взрывались вокруг моего укрытия, металлические осколки с диким визгом метались вокруг, глубоко вонзаясь в намеченные цели или сталкиваясь в воздухе, пока, растеряв всю кинетическую энергию, они не падали на землю, лениво обнажая свои зловещие округлые оболочки.

В висках бешено пульсировала кровь. Глубоко вдохнув едкий воздух, я молча прижался спиной к стене в глубине убежища, выжидая затишья во вражеском обстреле.

Ни в коем случае паника и импульсивность тебе не помогут!

Слова старика Лэя снова зазвучали в моей голове.

С самого моего прибытия на фронт и до ранения старика Лэя я неотступно следовал за ним. Без заботы этого прошедшего через огонь ветерана я бы уже давно сгнил в земле без погребения и уж тем более не освоил бы хитрости выживания и маневрирования при встрече с врагом.

Поле боя — лучшая школа, а окровавленный учебник лежит перед тобой хочешь ты того или нет, если только ты не научился бездумно смотреть на жизнь и смерть.

Почему бы не выжить?

Жаль, что старика Лэя здесь нет, а то как бы здорово мы воевали в паре!

При этих мыслях я невольно тяжело вздохнул.

Старик Лэй получил ранение, прикрывая гранатометчика. Чтобы подбить японский танк, прорвавшийся на наши позиции, тот боец без оглядки на опасность поднялся во весь рост для прицеливания, и нам со стариком Лэем оставалось лишь вскочить на ноги и открыть подавляющий огонь по врагу.

Японский пулеметчик угодил старику Лэю в бедро, перебив артерию.

Вражеский артиллерийский обстрел не прекращался ни на минуту; судя по всему, чтобы вести непрерывный бой, каждая их боевая машина пехоты тащила с собой по несколько боекомплектов.

Высунуться наверх было нельзя, и меня это злило все сильнее: если позволить вражеской пехоте беспрепятственно подобраться ближе, быть беде.

Они были до зубов вооружены оружием, приспособленным для боев в тоннелях, и каждая зачистка проникших в подземные ходы японских солдат неизменно стоила нам потерь. Захватчики не перемещались бездумно, а всегда занимали перекрестки, до бесконечности перекрывая проходы огнем, что сильно сковывало наши маневры в подземелье.

Чтобы прикончить таких противных гадов, мы обычно сбивались в небольшие группы по два-три человека и атаковали с нескольких направлений, используя знание структуры тоннелей и нанося врагу внезапные удары из потаенных ходов сразу с тыла и флангов.

А теперь я оставался один.

Пока я раздумывал, не сменить ли мне позицию, совсем рядом раздался долгий, разрывающий душу предсмертный вопль врага, после чего подавляющий огонь противника яростно ударил по левому флангу нашей позиции.

Улучив просвет вражеском огне, я стремглав высунул голову.

Я увидел, как японца накрыло струей из собственного огнемекта: он катался по земле, объятый пламенем, а неподалеку ничком лежал другой огнеметчик, из рук которого всё еще

вырывалось пламя.

Верно, его прикончил наш снайпер, заодно спалив и подельника.

Не раздумывая, я быстро обнаружил выдавшего себя вражеского пулеметчика, который вовсю поливал огнем левый фланг.

Пулеметчик пренебрег правилами стрельбы из положения лежа: его торс слишком сильно высывался из-за насыпи, напоминая движущуюся ростовую мишень.

Снова короткая очередь из трех выстрелов, и этот тип без единого звука завалился набок рядом с пулеметом.

Спрятавшись в укрытие, я уже собирался дернуть чеку дымовой шашки, как вдруг пулеметная очередь пронеслась всего в нескольких сантиметрах над моей головой, выбив сноп искр из стены убежища. Мелкие осколки бетона брызнули мне в лицо, больно ужалив кожу.

Черт побери, вот это близко!

Враг не спускал глаз с моего участка. Спасло лишь то, что местность здесь была чуть выше, а реакция — достаточно быстрой, иначе пули нашли бы меня.

Радоваться было некогда. Схватившись за дымовую шашку, я в холодном поту согнулся в три погибели и бросился наутек. Не успел я пробежать и пары шагов, как на моем прежнем месте грохнул взрыв снаряда.

Черт!

Откуда только что бил противник? С часу дня по циферблату? Не похоже, скорее с трех часов — там кругом одни воронки, вражеский стрелок мог спрятаться в одной из них и вести оттуда огонь по мне.

Я мысленно чертыхнулся, прикидывая, где могут залечь вражеские пехотинцы.

Враг усилил тактическое взаимодействие пехоты с бронетехникой. Несомненно, неподалеку от огневой точки крутился кто-то из японских солдат, координируя и прикрывая действия товарищей.

Нужно было придумать, как разрушить их слаженность.

Вот был бы у нас автоматический гранатомет, чтобы прижать японцев к земле — тогда шансы

противотанкистов подбить танк выросли бы в разы, а во вражеских рядах началась бы паника.

Как бы так заманить вражеский танк поближе, чтобы с ним расправилась противотанковая мина?

Эти дни во время каждого боя я только и грезил о том, как подбиваю вражеский танк, а в голове крутились картины взрывов противотанковых датчиковых мин.

Вражеская БМП по-прежнему не прекращала поливать огнем мой сектор. Добравшись до выхода из третьего укрытия, я уже вообще не мог высунуть голову.

После той перестрелки враг усилил обстрел моих позиций, очевидно решив, что на этом небольшом клочке земли справа орудует немало наших снайперов. Стоило им взять под контроль выходы из ходов сообщения, как они смогли бы перебить нас поодиночке.

Делать было нечего, я отбросил мысль прорываться наружу через этот сектор, осторожно отступил в глубь тоннеля и пополз к последнему запасному скрытому наблюдательному пункту на позициях.

Прильнув к перископу и глядя наружу, я заметил, что противник продвинулся к нашим рубежам еще на несколько десятков метров. Японские огнеметы то и дело изрыгали ослепительные языки пламени, поочередно обстреливая выходы из укрытий в ходах сообщения.

С такой назойливой и липкой тактикой врага действительно трудно было что-то поделать.

Мы целыми днями прятались в темных тоннелях, шныряя туда-сюда, как крысы, а невыплеснутая злость медленно сжигала каждого из нас изнутри. В первые дни на фронте я замечал, что любой боец во время стрельбы сумасшедше орет, выплескивая эмоции, и даже пренебрегая опасностью встает во весь рост, исступленно поливая врага огнем, и я никак не мог понять, почему они так не боятся смерти. Но стоило мне отвоевать всего сутки, как я сам прочувствовал это угнетающее состояние — особенно когда после очередного поспешного бегства от вражеских объемно-детонирующих и инфразвуковых бомб ты находишь у входов в тоннели тела павших товарищей, не успевших укрыться.

Беспомощная гибель побратима, в то время как ты остался жив — от этой боли содрогнется любой человек с горячим сердцем.

Быть может, в конце концов я точно так же бесславно паду на этой земле, как и они.

Чем дольше меня давила эта холодная, безжалостная боль, тем сильнее наваливалось уныние, и несколько раз мне хотелось просто броситься в атаку на врага и покончить со всем этим. разве это жизнь для человека?

В темной ночи главный боевой танк японцев вдруг качнулся, передняя динамическая защита на его башне ярко вспыхнула, а затем гроыхнул взрыв.

Я остолбенел. Что, противотанкист не выдержал и выстрелил раньше времени?

Нет, постойте, почему вражеские танки и бронемашины дружно открыли огонь по правому флангу самой высокой точки наших позиций?

Это танк Су Циня!

Они, должно быть, засели за низкой стеной цеха и, рискуя быть уничтоженными, открыли огонь по вражеским танкам, вероятно, собираясь выманить японские машины из-под прикрытия пехоты.

Поколебавшись пару секунд, японские танки пришли в движение. Для противника вражеская бронетехника представляла куда большую соблазнительную цель, чем пехота. Из стволов вырвались огромные снопы пламени, и танки врага открыли яростный ответный огонь.

В небе вражеский вертолет, завидев падаль, словно стервятник, злобно выпустил две противотанковые ракеты, и пара дымных следов, рассекая плотные облака порохового дыма, устремилась туда, откуда Су Цинь и его товарищи только что вели огонь.

Братцы, прячьтесь же!

мысленно взмолился я, а сам тем временем стремительно помчался к самому дальнему выходу из укрытия на правом фланге.

Вражеские танки и бронемашины продолжали палить по гребню правой высоты, а я высунул голову, выискивая в вспышках их выстрелов позиции шедшей следом пехоты.

Прежде всего следовало подавить и уничтожить как можно больше вражеской пехоты, иначе у наших противотанкистов не останется ни единого шанса.

Дымовая шашка, которую я установил ранее, испускала густой дым, который по воле ветра как раз несло в мою сторону. Это были специальные аэрозольные дымовые гранаты, предназначенные для создания помех лазерным прицельным системам противника; благодаря высокой температуре они также сбивали с толку инфрасредства разведки японцев.

Видимость для вражеских боевых машин пехоты вдалеке должна была ухудшиться.

Прекрасный шанс!

Когда я серией коротких очередей скосил еще одного вражеского солдата, слепо шарившего в поисках прохода, самый правый танк противника, отвечавший за огневую поддержку, наконец заметил меня. Японский механик-водитель без колебаний развернул танк, и машина подалась к обрыву под кручей, где я установил противотанковую мину, собираясь врезать по мне прямой наводкой.

Танкист на ходу медленно разворачивал в мою сторону орудийную башню.

Детка! Моя большая милая крошка!

Иди сюда!

Я не думал об этом — я говорил это вслух. Сидел там и твердил фразу за фразой. Вера творит чудеса, какие-нибудь боги обязательно услышат.

Ближе, еще ближе...

Грох!

Снаряд разорвался совсем близко у меня за спиной.

Осколочный.

Танк не попал напрямую в мое укрытие.

Из-за того, что взрыв прогремел слишком близко, меня мощной ударной волной забросило обратно в глубину хода сообщения. Мне казалось, будто я — крошечный кузнечик, которого чья-то рука швырнула прочь. Я с размаху рухнул на груды щебня и бетонных обломков, а истрепанная боевая форма не смогла защитить спину — острые камни добавили бесчисленные новые раны к моим старым увечьям.

Сморщившись от боли, я поднялся на ноги и долго шарил вокруг, пока наконец не нашел отброшенную винтовку.

Ублюдок! Никакого послушания!

Кубарем докатившись до другого стрелкового убежища и выглянув наружу, я не удержался от яростной брани.

Вражеский танк перестал продвигаться вперед и теперь неторопливо крутил башней на месте.

Мои глаза едва не искрились от злости, я сжал зубы и открыл огонь на поражение по вражеской башне.

Пули высекли сноп искр из брони японского танка, с корнем сбив два дымовых гранатомета на башне.

Обладая мощным вооружением и броней, они вволю измывались над китайцами, и теперь японский танкист наверняка тоже взбесился. Заревев мотором, танк снова попер на меня. В объективе прибора ночного видения зеленоватый длинный ствол орудия выглядел пугающе зловеще в мерцающей темноте ночи.

Слишком близко. Нас с врагом разделяло меньше двух сотен метров. Башня разворачивалась в мою сторону.

Мне хотелось отступить, но ноги словно налились свинцом, а сам я то появлялся, то исчезал в поле их зрения. Соблазн был слишком велик, чтобы просто так взять и сбежать. Крошка подбиралась всё ближе!

Давай, стреляй! К черту всё, я никуда не уйду!

Ублюдок!

Ночное небо внезапно озарилось ярким цветком, заставив мои привыкшие к темноте глаза невольно зажмуриться, но этот мимолетный образ намертво впечатался в память.

Это был распустившийся фейерверк.

Пожалуй, самый красивый металлический фейерверк в моей жизни.

Когда я снова открыл глаза, танк стремительно разваливался на части под сиянием этого распустившегося цветка. Я снял прибор ночного видения и долго смотрел на похороны этой боевой машины.

Сдетонировавший боекомплект безжалостно сорвал танковую башню, и потоки бушующего пламени окрасили содрогающийся корпус в жутковатые багровые тона. В мгновение ока стальное чудовище, еще минуту назад казавшееся непобедимым, превратилось в грудку безобразного металлического лома, мерцающего в языках пламени.

Это зрелище было невероятно прекрасным.

Череда новых взрывов гранат вернула меня, всё еще пребывавшего в оцепенении, суровую реальность.

Это товарищи слева прикрывали меня из автоматического гранатомета!

<http://bllate.org/book/21115/2142666>